

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ «ПУТЕВОДИТЕЛЬНОГО» ПРОЕКТА*

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА, ЛЕА ПИЛЬД,
ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА

В 2006 г. трое сотрудников кафедры русской литературы Тартуского университета (Л. Киселева, Л. Пильд, Т. Степанищева) задумали проект, который в 2007 г. получил поддержку Эстонского Научного фонда — «Репрезентация Эстонии в иноязычных путеводителях XIX–XXI вв.: риторика и идеология» (грант № 7021).

Авторов интересовало восприятие Эстонии и эстонцев в других, в первую очередь в пограничных, культурах. Исследование «эстонской темы» на совершенно новом и ранее не входившем в научный обиход материале казалось особенно продуктивным. Учитывая массовый характер путеводительных изданий и, соответственно, влияние формируемого в нем образа Эстонии на туристов и путешественников, мы надеялись составить представление о том, как выглядела и выглядит наша страна и ее коренные жители в глазах внешних наблюдателей (авторов и читателей иноязычных туристических справочников). В особенности нас интересовали русские и немецкие путеводители, т.к. в силу исторических обстоятельств Эстония долгое время была частью немецкого и русского политического и культурного пространств. Результатом работы над проектом должно было стать описание образа Эстонии. Предполагалось рассмотрение этого локального дискурса, конструируемого путеводителями, в его эволюции и сравнение этого «чужого» взгляда со взглядом «изнутри», с точкой зрения «своих» (авторов и читателей эстоноязычных путеводителей).

Однако решение всех этих задач оказалось невозможным без исследования природы самого путеводительного текста.

* Статья написана при поддержке гранта ЭНФ № 7021.

Известно, что история путеводителя как жанра восходит к античным *Itineraria*, сообщавшим путешественникам маршруты. Они представляли собой дорожные карты с обозначением расстояний между отдельными пунктами. Начиная с раннего средневековья стали развиваться паломники, или дорожники (проскинитарии), предназначенные для христиан, которые отправлялись в Святую Землю. Первые путеводители по Европе для светских путешественников появились в XVI в., но получили широкое распространение только в XVIII–XIX вв., с появлением нового вида культурной практики — туризма, ставшего возможным благодаря изменениям в структуре западноевропейского социума и развитию общедоступного массового транспорта. Второй фактор, способствовавший росту потребности в путеводителях — развитие курортов и курортной индустрии, нуждавшейся в рекламе своих услуг и в привлечении отдыхающих.

В начале XIX в. сформировался путеводитель в его современном виде — бедекер, получивший название по имени немецкого книгоиздателя К. Бедекера (Karl Baedeker, 1801–1859), который первым в Европе открыл специальное издательство путеводителей. В результате конкуренции двух издательских фирм, специализировавшихся на изданиях путеводителей — Бедекера и Мюррея (John Murray II, 1778–1843 и John Murray III, 1808–1892) — был выработан тип серийного универсального дорожного справочника, ставшего неременным спутником любого путешествующего по миру обывателя.

Приступая к изучению путеводителей, мы исходили из гипотезы о том, что объективность и беспристрастность, прославившие немецкие и английские бедекеры и сделавшие их образцами жанра, это всего лишь установка, по-разному реализуемая (и неизменно, хотя и в разной степени нарушаемая!) в различные эпохи в разных странах. Наше исследование дало богатый материал, подтвердивший справедливость исходной гипотезы.

Мы пришли к выводу, что путеводитель — словесный жанр с определяемыми автором/составителем прагматикой и коммуникативной стратегией, включенный как в рекламный, так и

в идеологический дискурс, и четко моделирующий восприятие описываемого пространства [см. подробнее ст. Л. Киселевой в наст. изд.]. Первое риторическое средство такого моделирования — это отбор объектов для осмотра; второе — создание их иерархии с помощью специальной системы помет, астерисков [см. подробнее ст. Т. Степанищевой в наст. изд.], или использования ценностных эпитетов при характеристике; третье — ссылки на авторитетные точки зрения; четвертое — введение в действие разных стилистических регистров. В еще большей мере сказанное относится к историко-культурному очерку страны или города, который является обязательной составляющей бедкера. Таким образом, необходимость оживить повествование, создать иллюзию живого контакта с читателями неизбежно вступает в противоречие с установкой на объективность и как бы возвращает путеводители к путевым очеркам, из которых они выросли.

Будучи жанром в значительной мере анонимным и коллективным¹, путеводитель чаще всего заключает в себе ярко выраженную авторскую позицию, а также ориентацию на конкретную читательскую аудиторию.

Описанию идеологических подтекстов и риторики путеводителей на конкретном материале разноязычных и разновременных путеводителей по Эстонии и посвящено наше исследование. Для проверки собственных гипотез, для введения сравнительного материала и создания многостороннего взгляда на интересующий нас объект был организован интердисциплинарный семинар, в котором участвовали филологи, историки, культурологи из 7 стран — Германии, Канады, Латвии, Литвы, России, Финляндии, Эстонии. Он проходил на кафедре русской литературы Тартуского университета 15–16 декабря 2007 г. В дискуссии активно участвовали и слушатели —

¹ Путеводители по такой большой стране, как Российская империя, писались многими специалистами, чьи имена скрывались за торговой маркой издательского дома. Не всегда можно выяснить, кто именно писал часть, посвященную конкретному региону, например, Эстонии.

Международный семинар

**Путеводитель
как семиотический объект**

Тарту, 15–16 декабря 2007 г.

Проводится в рамках гранта № 7021
Эстонского Научного Фонда

EESTI TEADUSFOND

коллеги с кафедры, докторанты (среди докладчиков также было трое докторантов из Тарту и Петербурга), сотрудники Эстонского национального музея, учителя и экскурсоводы-практики. Материалы семинара, значительно переработанные и дополненные в ходе подготовке к изданию, представлены в данной книге.

По сути, она может считаться коллективной монографией, т.к. в ней рассматриваются жанровые и исторические особенности путеводителей на примерах текстов, изданных в разных странах и на разных языках в течение более чем двух столетий. Однако каждая глава этой книги одновременно представляет собой и законченную специальную статью, которая может быть прочитана и использована как самостоятельное исследование. Именно поэтому редактор и другие участники проекта, работавшие над книгой, не сочли нужным устранять из разных статей перекликающиеся между собой пассажи. Каждый автор обращается к одним и тем же теоретическим положениям или даже к фактам в своем контексте и излагает их по-своему; излишняя унификация привела бы к обеднению конкретных сюжетов. Так, ценные наблюдения по генезису и формированию жанрового канона путеводителей содержат работы, написанные как на эстонском [см. ст. С. Исакова, Е. Нымм в наст. изд.], так и на финском [см. ст. М. Витухновской-Кауппала], литовском [см. ст. П. Лавринца], украинском [см. ст. И. Булкиной], немецком [см. ст. С. Сиротининой] и русско-советском [см. ст. Л. Кузнецовой] материале.

Остановимся более подробно на итогах, касающихся образа Эстонии и эстонцев в иноязычных путеводителях (этому сюжету посвящено и большинство статей настоящего издания). Конечно, они носят предварительный характер. За предусмотренный грантом двухлетний срок невозможно было детально проанализировать тот колоссальный материал, который был выявлен. Составленный коллективными усилиями библиографический указатель путеводителей, относящихся к Эстонии, на данный момент содержит более 400 позиций, но явно будет дополняться. Именно поэтому мы воздержались от публикации указателя в настоящем издании, а разместили его на раз-

работанном участниками проекта сайте «Вадемекум» [www.ruthenia.ru/vademecum]; это позволит постоянно вносить в перечень коррективы.

Несмотря на сделанные оговорки, уже сейчас можно выделить несколько этапов в эволюции образа Эстонии и эстонцев в путеводителях². Так, авторы первых русских путеводителей конца 1830-х – 1840-х гг. воспринимают Эстонию как немецкую страну (немецкие путеводители будут стоять на этой позиции вплоть до 1920-х гг.), а эстонцев едва замечают и пишут о них в лучшем случае снисходительно, представляя их грамотным, но упрямым и грубым народом. При этом страна в целом описывается как образец цивилизации, «российская Европа», и ставится в пример остальным частям империи.

Подобное отношение к Эстляндии и Лифляндии будет сохраняться в русских путеводителях до конца имперского периода, однако отношение к эстонцам в них существенно изменится уже к концу 1850-х гг. Теперь не только в русских, но и в английских путеводителях об эстонцах говорится как об угнетенном, но свободолюбивом и гордом народе.

Подлинный перелом наступает в 1860–1870-е гг. Он связан, с одной стороны, с обсуждением в русской и европейской печати так называемого остзейского вопроса, осуждением немецкого владычества в Балтии, а с другой — с эпохой эстонского национального возрождения, публикацией эпоса «Калевипоэг», патриотическими речами К. Р. Якобсона, появлением сине-черно-белого эстонского флага и пр. Естественно, что и в путеводителях теперь появляется гораздо больше информации об эстонцах, их деятельности по сохранению национальной культуры, об эстонской периодической печати, об исследованиях акад. Ф. И. Видемана и М. Веске по эстонскому языку и т.п. Причем в этом отношении немецкие путеводители

² См. подробнее: *Kisseljova L., Pild L., Stepanišševa T. Eestimaa ja eestlaste kuvandi areng XIX sajandi ja XX sajandi alguse reisijuhtides // Keel ja Kirjandus. 2008. Nr 12. См. также ст. С. Исакова в наст. изд.*

не только не отстают от русских, но порой являются источником для них.

Все же и в начале XX в. иноязычные путеводители по Эстонии еще отставали от темпов развития эстонской культуры. Русские и немцы были по-прежнему склонны воспринимать и описывать эту землю как окраину собственных стран, меж тем как созданная в 1914 г. в Тарту, при Эстонском литературном обществе (Eesti Kirjanduse Selts) Эстонская комиссия по изучению родного края уже исходила из иной точки зрения.

Работа Комиссии, прерванная войной, возобновилась в 1920 г. в новых условиях независимой Эстонской Республики. Изданные ею с 1925 по 1939 гг. на эстонском языке семь больших томов, посвященных подробному описанию отдельных регионов Эстонии, включали в себя разделы «Для путешественников» (“Rändajaile”). Сравнение этих разделов с самими «проэстонскими» иноязычными путеводителями наглядно демонстрирует их принципиальное отличие. Эстонские справочники повествуют о *своем* и для *своих* — для краеведов и для жителей Эстонии, ставящих своей задачей детальное познание родной страны.

Та же тенденция характерна и для путеводителей по Эстонии советской эпохи. Брошюры, которые издавались на русском языке (или имели перевод на русский) и предназначались для «внешнего», *чужого* читателя, были более советизированы, а те, которые издавались только по-эстонски и были предназначены для *своих*, стремились хотя бы в какой-то степени редуцировать рассказ о бесконечной классовой борьбе и достижениях социалистического строительства. Эстонские путеводители опирались на краеведческую традицию первой Эстонской республики, содержали гораздо больше сведений об эстонской национальной культуре и превращались в своеобразную оппозицию официозу [см. статью Л. Пильд в наст. изд.]. То, каким образом в подцензурных условиях в оккупированной стране удавалось осуществлять подобные издания, еще нуждается в специальном изучении.

Разумеется, сделанные выводы обозначают лишь общую тенденцию в огромном множестве самых разнообразных путе-

водителей. Большая часть из них представляет собой чисто рекламные издания, не претендующие ни на какую иную идеологию, кроме идеологии потребления и развлечения [см. об этом в ст. С. Исакова и А. Энгель в наст. изд.].

Любопытный взгляд на Эстонию дают путеводители, издаваемые ближайшими соседями — латышами [см. ст. Я. Курсите] и финнами [см. ст. Е. Протасовой].

Уникальный случай эстонского эмигрантского путеводителя по Таллину, созданного в 1985 г. по-английски Э. Санденом и включавшего в себя текст английского путеводителя 1935 г., проявляет идеологический потенциал путеводительного текста, так сказать, в полном виде [см. ст. Д. Килфоя и Е. Погосян]. Санден ностальгировал по «погибшему» городу, но, к счастью, он не оказался пророком: через несколько лет свободный Таллин возродился во вновь обретшей независимости Эстонии.

Разнообразные и разноязычные путеводители 1990–2000-х гг., изданные в Эстонии и за ее пределами, хотя и следуют внешне бедкеровской традиции, но часто содержат непроверенную и тенденциозную информацию. Они нуждаются в специальном исследовании и в настоящей книге будут затронуты мало [см., однако, отдельные наблюдения в ст. А. Энгель, Я. Курсите и Е. Протасовой].

Тема проекта оказалась на редкость увлекательной и плодотворной и для членов рабочей группы, и для коллег из других стран, которые присоединились к нам в ходе совместной работы. Мы выражаем им живейшую признательность за участие в семинаре 2007 года и за предоставление статей к публикации. Надеемся, что мы сможем продолжить и расширить наше сотрудничество в рамках следующего проекта.